

28.02.2017, 16:09 Москва

свой опыт

Надо спрашивать на самом верху: рассказы задержанных на «Дезертир-фесте»

23 февраля без каких-либо вменяемых причин десятки человек были задержаны на леворадикальном «Дезертир-фесте» на юго-востоке Москвы. Вечером того же дня все они были отпущены из ОВД «Текстильщики», «Кузьминки» и «Рязанский», кроме одной несовершеннолетней, которая была отпущена лишь 25 февраля. ОВД-Инфо публикует четыре рассказа о произошедшем.

РАССКАЗ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ Н.

Мы сидели, общались, всю игру играла музыка. Мы уже собирались уходить, как вдруг кто-то сказал: «О,

приехали!» В зал зашло примерно 15 полицейских. Обычных, ОМОН не приезжал. Полицейские встали у всех дверей, чтобы никто не спрятался.

Официально нас задерживали по звонку, якобы, с жалобой на шум. Хотя было только шесть вечера, и за пределами комнаты, где проходил концерт, слышно ничего не было. Пока все это продолжалось, несколько раз в разговорах всплывало, что нас задерживали по инициативе ФСБ, хотя беседы с нами проводили эшники. Нас всех собрали в коридоре и выводили на беседы и проверку документов.

Эшники отказывались представляться. Спрашивали, кто мы, что делаем, правые-левые, и так далее. Эшники эти мне неизвестны, но другие посетители фестиваля их знали. Меня опрашивал мужчина, рост примерно 170 сантиметров, неприметное лицо, большой нос, черные волосы, маленькие глаза.

Меня он спросил: «С какого ты берега, с левого или правого?» Я попросила его предъявить документы, на этом он потерял ко мне интерес, и меня повели в автозак.

Меня увели одной из последних, и так как я была без документов, меня отправили в Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП). Мое правонарушение заключалось в том, что я «бродяжничаю», нахожусь в чужом городе без родителей. В принципе, меня и в метро могли задержать и доставить в ЦВСНП.

В ЦВСНП я приехала в районе часа ночи, там меня заставили отдать все вещи, включая бумажные носовые платки. Не знаю, что они с платками делали, но отдавали потом мне их не в тех упаковках, в которых я их оставляла.

ЦВСНП очень похож на школу, только в три раза больше. Внутри очень странные коридоры, видимо, некоторые

крылья и этажи закрыты. Нас водили по лабиринтам, наверное, чтобы мы не могли сбежать. ЦВСНП находится рядом с метро «Алтуфьево». Меня туда везли через всю Москву.

В центре икеевская мебель, еда не по вегану, заправляют всем крикливые женщины, постоянно бьющие содержащихся там мальчиков. Не сильно: щелбан, подзатыльник и так далее. Одного мальчика так ударили в колено, что он упал. Не знаю, насколько это было сильно, он не долго хромал. В любом случае, это не то, что нужно делать с детьми.

Дети там содержатся разного возраста. По отделениям их разделяют не по возрасту, а по гражданству. В женской спальне нас было всего двое, но стояло 14 кроватей.

Дезертир-Фест 2017. Злые менты принимают людей.

Подъем там где-то в половину девятого утра, душ, завтрак в общей столовой. В столовой по крайней мере три отделения, в каждом едят разные люди. Потом нас уводили в класс — смотреть телевизор. Весь день мы, собственно, смотрели в ящик. Кроме телевизора, кормежки и умывания больше там ничего не происходило. Перед каждым походом в туалет мы должны были выворачивать карманы, трясти обувь — показывать, что у нас ничего нет, мы не вскроемся.

Медицинского обслуживания там практически нет. Температуру, головную боль нужно терпеть. Если станет совсем плохо, увезут в больничку, и тогда срок твоего содержания в ЦВСНП приостанавливается. Там могут держать до 40 дней, потом должны отправить либо в другие учреждения, либо домой.

Моим родителям позвонили еще при задержании. Когда в ЦВСНП приехала мама, ей рассказали, что я тусуюсь с ИГИЛовцами, что если меня еще раз так поймают, то посадят на шесть лет. За что, я не знаю.

РАССКАЗ СЕРГЕЯ АРКАДЬЕВА, МУЗЫКАНТА ГРУППЫ «БРИГАДИР»

Полицейские спокойно сообщили, что по телефону 02 поступило обращение от жильцов дома о том, что в их подвале собралась подозрительная молодежь и начала массовую драку. Примерно через пять минут сотрудники правопорядка, размахивая дубинками и в грубой форме задерживая присутствовавших, сами чуть было не спровоцировали потасовку.

Я должен был играть на этом концерте в составе группы «Бригадир». Для выступления на «Дезертир-фесте» мы специально приехали из Санкт-Петербурга. Собственно, кроме нас успели выступить все заявленные артисты. В основном, это были акустические проекты. Никакого ада не творилось ни на сцене, ни в зале. Все было слишком спокойно и даже скучновато. Сложно вообразить, что-то на этом мероприятии могло заставить пришедших драться между собой. Так же сложно поверить в то, что на поведение собравшихся действительно пожаловались жители здания, в котором проходил концерт. Этот дом является общежитием, в котором проживают преимущественно деклассированные элементы. Двое наших ребят днем хотели остановиться там, чтобы поспать, но быстро от этой идеи отказались, стоило им только увидеть местный контингент — абсолютно все постояльцы были пьяны. Организаторы концерта рассказывали нам, что проводят здесь мероприятия не в первый раз, потому что всем такие концерты всегда по барабану. К тому же звукоизоляция

в подвале была хорошей. Музыка в подъезде была практически не слышна.

Но вернемся к дубинкам. Их полицейские достали, когда поняли, что просто так никто в автозаки с ними не пойдет. Несколько человек они успели огреть — уже позже в отделении один парень рассказывал мне, что ему прилетело, когда он достал камеру. Но количество фото- и видеокamer, которые люди начали включать с разных сторон, как раз-таки заставило полицейских осечься. Дубинками они орудовали немного, и вскоре они им стали мешать. Один блюстител даже потерял своего резинового друга, который закатился под кресло в примерке. Те, кого он пытался вязать, подали ему утерянную дубинку.

В нашу примерку полицейские то заходили, то выходили. То просили выйти по-хорошему, пытаюсь объяснять свою правоту, то выхватывали людей силой. То говорили, что с нами просто пообщаются на улице, то признавались, что придется проехать в отделение и продолжить общение там. В итоге мы пошли на переговоры, узнали, куда нас везут, уведомили адвоката и договорились о том, что девушка, присутствовавшая с нами в примерке, останется в помещении, чтобы следить за вещами. После этого мы проследовали в автозак.

В автозаке мы встретились с нашим вокалистом Олегом, которого задержали чуть раньше. Его очень долго безуспешно пытались скрутить сразу несколько полицейских, в итоге Олега записали в буйные и надели на него наручники. В машине был также один из организаторов концерта со свежими кровоподтеками на лбу. Всего в нашу машину, следовавшую в ОВД «Текстильщики», набили 26 задержанных. Еще два автозака направлялись в другие отделения. Находясь в машине, я написал сообщение в Facebook знакомому журналисту, скопировал его и отослал еще паре знакомых

работников СМИ. Мне тут же перезвонила новостница «Медиазоны», чтобы получить комментарий. Новость о нашем задержании на сайте «Медиазоны» была опубликована раньше, чем автозак двинулся с места. С журналистами общался не только я — о случившемся уже написали ОВД-Инфо и ряд других ресурсов. Все эти публикации, я думаю, сыграли нам на руку. Но отдельное спасибо стоит сказать работникам Общественной наблюдательной комиссии, приехавшим в ОВД отстаивать права задержанных. Сложно предполагать, что входило в планы полиции, но есть вероятность, что никого не оставили «на сутки» благодаря шумихе вокруг случившегося и действиям правозащитников.

Дезертир-Фест 2017. Добрый мент.

С другой стороны, сотрудники ОВД «Текстильщики» были не рады нашему визиту больше нас самих. Их старший начал свою речь перед задержанными со слов: «У меня дома сломана машина, и я очень хочу ее поскорее починить...» Далее он предложил два варианта развития событий. Либо нас всех допрашивают «сотрудники другого ведомства» и держат нас до вечера следующего дня, либо «сотрудники другого ведомства» общаются только с некоторыми, интересующими их людьми и всех отпускают сегодня же. Сотрудники этого самого ведомства ходили по коридорам взад-вперед, время от времени уводили отдельных людей на беседы, но все задержанные их явно не интересовали. Нам они задавали вопросы в духе «Чего диски не привезли?» и обещали выпустить первыми, чтобы мы успели на поезд. Этого, к слову, не случилось. Еще передавали привет некому

сорванный концерт и даже немного жаль офицера со сломанной машиной. Уезжал из отделения он поздно и очень грустный — так, наверное, и не починил.

РАССКАЗ ВЛАДИМИРА ПОНИМАЮЩЕГО, МУЗЫКАНТА ГРУППЫ «ПОЛИТЗЕК»

Еще за несколько дней до проведения «Дезертир-феста 2017» на всяких нацистских пабликах начали появляться посты (в открытом доступе) с предложениями организовать нападение на «антифашистское мероприятие». Все это выглядело смешно и глупо, так как если ты действительно хочешь на кого-то напасть, то лучше об этом не писать во всеуслышание. Это повлияло только на то, что все, кто собирался идти на мероприятие, взяли с собой средства самообороны и были готовы к нападению, которое так и не произошло. И для меня это было очевидно еще по нескольким причинам: во-первых времена уличных драк закончились ещё лет 10 назад, и победили в них менты. Во-вторых 22 февраля, за день до «Дезертир-феста», менты приехали к НБПшникам на концерт и задержали организаторов и часть публики. И я был уверен, что-то подобное произойдет и на этом мероприятии. А не может произойти так, что бы и нацики нападали, и менты приехали всех вязать.

Когда я пришел на фестиваль, часть людей смотрела какой-то фильм, а часть людей тусовалась у входа. Публика — молодая и оголтелая. Но мне с ними было не о чем поговорить, и я занялся настройкой гитары. Через какое-то время проснулась половина состава «Бригадира» (вторая половина укатила гулять по Москве), и мы с ними сидели в «гримерке», трепались за жизнь, шутили шутки, и обсуждали уровень подготовки мероприятия.

Пока мы сидели в «гримерке» и болтали, кинопоказ закончился. Организаторы стали заниматься музыкальным аппаратом. Пришли еще выступающие музыканты, начала выступать группа «Пролетарий», потом играл проект «Торг Неуместен», вернулась вторая половина «Бригадира», начала выступать группа «Доз. А», и все это было так маргинально, что я уже начал думать что даже ментам на этом мероприятии делать нечего. После группы «Доз. А» выступала Ира из группы «Музыка Против». Я давал ей свою гитару на выступление, и сам должен был выступать после нее, так что я покинул «гримерку» и пошел помочь Ире подключиться, а заодно послушать ее выступление.

После «Музыки Против» пришла моя очередь петь песни под гитару. Звукач куда-то пропал. Я кое-как отбалансировал громкость гитары и микрофона, и начал выступать.

На предпоследней песне, прямо во время моего выступления, я увидел, что в зале начинает нарастать суета. Но я продолжал играть. Когда я закончил песню кто-то из зала крикнул, что приехали менты. Я сказал: «Ну и что?», и начал играть кавер на Лещенко «Прощай, Прощай». На втором куплете менты были уже в зале и потребовали, чтобы я прекратил играть, и мне пришлось закончить свое выступление.

В подвальное помещение завалилось порядка 10 ментов с дубинками и бронежилетами, и несколько эшников: Женя ФСБ (про него и так все знают), Рыжеватый-Лысеющий, Кавказкой Внешности и Носовой Платок (все время прикрывал свое лицо носовым платком). Кажется еще Улыбка был, но я не уверен. Все одеты по гражданке. Чересчур обыкновенно. Обычно люди так обыкновенно не одеваются.

Менты сразу стали говорить, что поступил звонок от жильцов дома, что тут происходит какая-то драка,

чтобы все выходили на улицу, и нас доставят в отделение для проверки личности. Мы стали отвечать, что нет никаких оснований для того, чтобы везти нас в ОВД. Что драки тут никакой нет. Что они приехали, посмотрели и могут уезжать.

По рациям говорили, чтобы менты задержали 20 человек и увезли их в отделение. Но мы сказали, что никто никуда не поедет, потому что на это нет никаких законных оснований, и мы готовы подчиниться законным требованиям полиции, но не готовы подчиняться незаконным требованиям, и будем на них жалобы писать в прокуратуру. На что нам отвечали: «Пишите куда хотите».

Вобщем выходить мы отказывались, мотивируя это тем, что драк никаких нет, и законы мы никакие не нарушаем, а правонарушительные органы говорили, что мы должны с ними поехать, потому что мы «непонятно кто» и «непонятно что тут делаем». В клубе нас было человек 70, но мы были раскиданы по разным помещениям. Я, с группой «Бригадир» и еще несколькими людьми был в «гримерке». Много людей было в «концертном зале». В общем там много было разных помещений, и почти везде кто-то был.

Параллельно с «баданием» с ментами звонили журналистам, правозащитникам и всем подряд. Я позвонил своему адвокату [Светлане Сидоркиной](#), и попросил ее приехать на адрес. Светлана — святая женщина, бросила все, взяла такси и поехала на место.

Менты пытались выцеплять людей поодиночке, а мы начинали все это снимать на видео и стараться вернуть людей. Иногда получалось, но чаще нет. Наша группа людей в «гримерке» держалась дольше всех. Олега (вокалиста «Бригадир») еле-еле вынесло 8 ментов. И в итоге в гримёрке осталось 6 человек. По рациям прошло: «Давайте ещё 5 человек и все» и мы поняли, что нас все-таки тоже заберут, несмотря на то, что мы ничего

не нарушали. В итоге в «гримерку» зашло еще несколько ментов, и стали просить по хорошему нас пройти. Мы подумали, что если не будет по хорошему, нас отсюда рано или поздно вынесут, и договорились, что они заберут 5 человек, а одну барышню оставят, чтобы она за вещами последила. Так как некоторых людей «выносили» без их вещей. Менты согласились и мы пошли на выход.

Когда я еще с группой людей был выведен на улицу, и нас вели в автозак до ОВД «Текстильщики», эшники увидели меня и сказали: «Этого туда не надо. Пусть идет обратно. Мы его в ОВД «Кузьминки» повезем.» Я вернулся обратно в «гримерку», где сидела барышня, которую оставили следить за вещами.

Ко мне спустился Женя ФСБ, и мы начали разговаривать «по душам». Сказал, что мы давно не виделись. Последний раз мы виделись на **выставке в лесу**, года 2–3 назад. Тогда в лес нагнали тучу ОМОНа. Думали, что там какое-то экстремистское сборище, а там панки-художники обсуждали вопросы экзистенциализма и что лучше: полиамурность или моногамия.

Женя ФСБ

Он задавал вопросы о моей личной жизни: как сын, как жена. Потом начал узнавать о моих политических пристрастиях. Я ему честно рассказал, что я — Антропоцентрист. Рассказал о том, как я вижу этот Мир. Рассказал про Гуманизм. Про Физическое Бессмертие. Рассказал, что если мы с ним будем жить дольше, то через 7–8 поколений встретимся на свадьбе наших 7-раз правнуков и правнучек, и будем вспоминать эту историю как глупость. Женя ФСБ соглашался. Был настроен ко мне дружелюбно. Ну и я был настроен к нему дружелюбно.

Женя спросил меня о судьбе Автономного Действия Социал-Революционного (АД-СР) и спросил меня,

общаюсь ли я еще с Круглым. Я сказал, что уже давно не имею отношения к АД-СР, и что с Круглым не виделся уже пару лет, и чем он занимается я не знаю.

Потом Женя ФСБ сказал, что больше всего он точит зуб на Волка. И спросил, общаюсь ли я с ним? Я сказал, что не видел его с той самой выставки в лесу. И это кстати чистая правда. Женя ФСБ сказал, что если я вдруг увижу Волка, чтобы я ему передал, что Женя ФСБ на него очень зол.

Потом Женя стал расспрашивать меня о моих связях с анархическим движением, на что я ответил, что закон я нарушать не собираюсь, избивать или убивать кого-то я тоже не собираюсь. И что я теперь сторонник радикального гуманизма. То есть, если ты не гуманист, то мне с тобой и разговаривать не о чем.

Потом в «гримерку» зашли еще три эшника: Лысеющий, Черный и Платок. Я спросил у Платка, зачем он скрывает свое лицо? Он ответил, что тут были люди, которые ему грозили возмездием. Я сказал Платку, что я раньше тоже скрывал свое лицо. И что он может не переживать, и перестать скрывать свое лицо. Что мы построим Новый Мир, где никто не будет беспокоиться, что с ним может что-то случиться, что в этом Мире все будут открыты.

Лысеющий все думал, что я нахожусь в состоянии наркотического опьянения, и что меня надо везти на какие-то экспертизы. Я ему сказал, что я готов ехать на любые экспертизы, и что они плохо за мной следят, если не знают, что я уже 23 дня рублюсь по-сыроеду, и ничего не потребляю, кроме воды, овощей и фруктов. Они заинтересовались сыроедением. Я рассказал им, каково это быть сыроедом.

И вот уже настал такой момент, когда вроде понятно, что ничего интересного из меня достать нельзя, и вроде эшники только что относились ко мне вполне дружелюбно,

и зачем меня везти в ОВД, непонятно. И я говорю, может не надо меня в ОВД везти? Мы же и так уже побеседовали. Адвокат ко мне мой едет. И Женя ФСБ говорит, мол внатуре, может оставим его? Но Лысеющий сказал, что надо меня везти в ОВД. Из этого я понял, что Лысеющий (он, кстати, не старый, я думаю, даже моложе, чем я, просто выглядит старше) по званию, или компетенции выше чем Женя ФСБ.

Барышню оставили следить за гитарами и куртками, а я пошел на улицу. Когда вышли на улицу, я начал звонить Светлане Сидоркиной, чтобы сказать, что меня сейчас повезут в отделение, но она как раз подъехала. На улице стояли менты и еще несколько в штатском. Ей сказали, что меня забирают на 3 часа, для того, чтобы пробить по базе данных и после этого отпустят. Меня повели в автозак. Я был 26 человеком в автозаке до ОВД «Текстильщики», и судя по всему только меня и ждали, так как после этого мы поехали в отделение.

Дезертир-Фест 2017. Добрый мент уговорил всех пр...

В автозаке я узнал, что есть еще два автозака. один до ОВД «Кузьминки», другой до ОВД «Рязанский». В нашем автозаке были все организаторы и группа «Бригадир». Олег был единственным в наручниках. Мы дурачились, фоткались и радовались, что мы вместе.

В ОВД «Текстильщики» нас выстроили вдоль стены и дали сходить в туалет. Началась обыкновенная ментовская работа. Собрать со всех паспорта. Написать на каждого рапорт. Заполнить на каждого карточку. Отвести каждого отфоткаться. Ментам не нравилось, что им под вечер

праздника привезли кучу людей. Они все хотели скорее домой, а скорее не получалось.

Эшники водили на разговор организаторов «Дезертир феста», и что-то у них узнавали. Меня тоже постоянно отводили поговорить и спрашивали меня, косвенными вопросами о моей принадлежности к каким-либо силам.

Спрашивали, общаюсь ли я с «Народной самообороной». Я ответил, что нет. Спрашивали, кто приезжал закрывать «День солидарности с политзаключенными анархистами» в ДК «Делай Сам/Сама». Я сказал, что не знаю, так как я там ничего не организовывал, а меня пригласили как участника. Меня спросили: а кто пригласил? Я сказал, что не могу этого сказать, так как человек, который меня приглашал, не давал мне своего согласия на распространение этой информации. Женю ФСБ такой ответ удовлетворил.

Потом ко мне подошел Лысеющий, а Женя ФСБ ушел кого-то другого опрашивать. Лысеющий стал утверждать, что я как-то получаю деньги от Фонда Розы Люксембург. Я очень этому удивился, а он такой: «Да ладно! Ты же у них проходишь по документам!» Я думаю, по каким это документам я могу у них проходить? Если у вас есть связи с Фондом Розы Люксембург, узнайте, я действительно у них там как-то прохожу, или это разводка эшников, чтобы посмотреть на мою реакцию?

Потом Лысеющий ушел допрашивать кого-то другого. А со мной опять пришел поговорить Женя ФСБ. Все разговоры со мной проходили не в кабинете, а в коридоре. И достаточно по-дружески. Как будто мы знаем друг друга много лет. Ну, на самом-то деле мы знаем друг друга долго, просто не плотно, а эпизодически. Когда они пришли на работу, я уже был в движухе. По словам Жени ФСБ, он работает с 2007 года. А я уже в 2004 году блокировал здание Государственной думы, выступая

против принятия нового лесного кодекса. Так что я для них — Старая Школа.

Женя ФСБ рассказал мне о том, что ФСБ не такая уж крутая организация, как ее малюют. Что есть вот такие опера, как он, которые работают «на полях».

А вышестоящие такие же бездельники-чиновники-дармоеды. Рассказал о своей жизни. Сказал, что у него двое детей. Что принимал какого-то чувака, а потом оказалось, что он с ним в соседнем доме живет.

Утверждал, что он идейный работник, а не работник за деньги. Говорил мне комплименты, что не сомневается в моей искренности и честности, и что приехали они прикрывать не анархистов-антифашистов, а авторитарных левых. Потом сказал, что так много вопросов к одному из организаторов «Дезертир-феста», потому что к нему приезжал какой-то бурят с тремя самодельными взрывными устройствами. Планировал что-то взорвать и «устроить революцию». Я сказал Жене ФСБ, что надо быть полным дураком, чтобы думать, что можно устроить революцию. Что революция — это как дождь. Его нельзя вызвать. Он сам пойдет тогда, когда сложатся условия для того, чтобы он пошел.

Потом со мной беседовало сразу три эшники: Черный, Лысеющий и Платок. Они уже просто так болтали со мной. Наверное составляли мой психологический портрет. Но мне нечего было скрывать, и сам я человек достаточно открытый. И считаю, что то, о чем я думаю, и то, что я говорю — должны знать все. В том числе и «секретные службы». Платок перестал бояться, что я запомню его лицо. Спросил, почему моя фотка уже висит на ОВД-Инфо? Я сказал, что сделал селфи в ОВД и выложил его в Facebook. Оттуда и взяли. Он спросил, общаюсь ли я с Аллой Фроловой. Я спросил: «А это кто?» Она сказала: «Что ты врешь?» Я говорю: «Не вру. Вы мне объясните». Они показали мне фотографию, и я понял, кто такая Алла

Фролова. Сказал, что несколько раз ее видел, но никогда с ней плотно не общался.

Платок начал говорить мне про сотрудничество. Сказал, что коль я такой хороший и добрый, то мне надо приходиться с ним на беседы. Я ему говорю: «А что я за это получу?» А он мне: «Так ты за деньги, или Родину любишь?» Я ему говорю, что не собираюсь ходить и помогать ему выполнять его работу. Он же не приходит помогать мне с моей работой. Я его спрашиваю: «Если я фуру буду разгружать, ты придешь мне помочь ее разгрузить?» Платок отрицательно покачал головой, но мимо проходил Женя ФСБ, который слышал мой вопрос. Он повернулся ко мне и сказал: «Я приду!»

Женя пошел куда-то дальше, а продолжил общаться с Платком, Черным и уходяще-приходящим Лысеющим о том, чего я хочу. Я рассказал им, что вижу только один выход — это образование детей. Что хочу найти небольшое поселение, или город, где у молодежи всего два пути: «Армия-тюрьма» или «Сразу тюрьма». Провести в это поселение скоростной интернет. Привезти туда планшетов, 3D-принтеров и прочего современного оборудования, и создать там IT-коммуны по типу «Макаренко 2.0». Вырастить из «бесперспективных» детей профессиональных программистов, IT-специалистов и профессионалов в сфере искусственного интеллекта. И уже через пару лет этих детей будет нанимать «Яндекс» и «Микрософт.» Дети получают будущее, компании получают пул профессионалов IT-сферы, а я получу общество с горизонтальной структурой, и этим буду строить Новый Мир. Себя я вижу в роли мотиватора этих детей. Им всего лишь надо объяснить, как учиться, и создать для них среду. Дать им понять, что вместе они могут куда больше, чем по отдельности. Все, что нужно, это немного денег и пару пассионариев.

Черный (самый старший по летам, и, видимо, по званию) понял, что ничего интересующего их я рассказать просто не могу, и что тут больше нечего ловить. Попрощался, сказал, что мы еще увидимся как-нибудь, и уехал домой.

С Платком мы ещё немного поболтали. Выяснили, что я занимался социальным активизмом, еще когда он и не думал заниматься ловлей социальных активистов. Все поняли свое место, и он тоже свалил.

Остались Женя ФСБ и Лысеющий.

И тут по всему отделению передали, что едет общественный наблюдатель с проверкой. Менты начали копошиться. Появился главный мент с одной большой звездочкой на погонах. При параде. Лысеющий отвел его и начал объяснять, какие есть полномочия у общественных наблюдателей. Куда они могут проходить и все такое. В общем, из него получился бы хороший лектор для ОНКшников по поводу их полномочий.

А потом Лысеющий подошел к Жени ФСБ и сказал ему, чтобы тот поднялся на второй этаж, и куда-то на время отошел, так как походу Женя ФСБ «давил» на кого-то из допрашиваемых, и сейчас ОНКшники могут и его опросить. Женя ФСБ скрылся на время, а я остался трепаться с Лысеющим. Когда ОНКшники проходили мимо нас, они спросили меня, не оперативник ли я? Я сказал, что это наоборот меня сейчас опрашивают, и что я — это задержанный. Лысеющий болтал со мной уже нехотя. Интерес ко мне он, походу, потерял.

Потом он ушел, опять пришел Женя ФСБ. Начал говорить, что неплохо было бы встретиться, пивка попить. Я опять напомнил, что я не бухаю. Он предложил обменяться телефонами. Я сказал, что не хочу ему давать номер телефона. Он сказал: «Да ладно, не буду я тебя прослушивать!» На что я сказал, что даже если он и будет меня прослушивать, то ничего нового он обо мне

не узнает. Женя ФСБ опять начал говорить о сотрудничестве. Я сказал, что если я вдруг узнаю, что кто-то хочет взорвать бомбу, или убить кого-то, то я его предупрежу, чтобы избежать человеческих жертв. Я сказал ему, что я против убийств. Женя ФСБ поблагодарил меня, и спросил, как ему со мной держать связь. Я сказал, что через Facebook. Он сказал, что у него есть липовая страничка в Facebook, и он даже с нее дружит с Денисом Солоповым. Стал меня спрашивать, общаюсь ли я с ним. Я сказал, что мы никогда особо плотно не общались, и что с Денисом Солоповым происходит я не знаю.

Женя ФСБ опять стал говорить насчет сотрудничества, на что я ему ответил, что буду с ними сотрудничать, если они мне помогут реализовать мне проект IT-коммуны. Женя ФСБ спросил, как они могут помочь? Я ему сказал, что они могут дать денег. Могут прийти в министерство образования и нажать там на кого-то, чтобы в деревню интернет провели. Женя ФСБ сказал, что у них нет таких средств и полномочий, но что бы я ему представил проект IT-коммуны, а он поспрашивает своих друзей-знакомых и может кто-то из них даст мне деньги на реализацию «Макаренко 2.0»

Потом я начал конючить, что уже очень долго тут нахожусь. Что меня пора отпускать. Что я понимаю, что им нужны люди, которые творят насилие, убивают кого-то или взрывают, чтобы те их остановили, написали рапорт о том, какие они герои и получили звездочки и премии. Женя ФСБ сказал, что именно такие опасные люди ему и нужны, но не ради зарплаты и премий, а ради идеи справедливости. Чтобы получить моральное удовлетворение, что злодеи посажены. И Женя ФСБ уже был рад меня отпустить, спросил у Лысеющего, но Лысеющий сказал, что пусть еще подождет. Я не понимал чего еще ждать, и наш разговор с Женей ФСБ продолжился. Он все хотел, чтобы я ему что-то интересное рассказал. Я начал объяснять, что все мои

опасные друзья либо на том свете, либо отошли от дел и обывалы, либо сидят в тюрьме. Он спросил: «Ну, вот Сократ твой друг. А какие еще у тебя друзья сидят?» Я сказал, что еще Бученков сидит. Он стал говорить, что Бученков сидит за беспорядки. А я стал говорить, что 1000% это не Бученков переворачивал туалеты на Болотной. Потом Женя спрашивал меня, общаюсь ли я с Гаскаровым. Я сказал, что у них своя политическая тусовка, и что там у них происходит, я не в курсе. Женя ФСБ сказал, что Гаскаров отсидел, потому что защищал человека, который напал на «цветного». Я спросил, а кто такие «цветные»? «Как кто?», — удивился Женя ФСБ: «Цветные — это полицейские. Те, кто в форме». Я очень удивился, что у них принято называть ментов в форме «цветными».

Потом Женя ФСБ начал как-то из далека заводить разговор про Фонд Розы Люксембург, а я ему: «Да что вы с этим фондом ко мне прицепились?» А Женя ФСБ мне: «А тебя что, уже кто-то о нем спрашивал?» Я отвечаю, что да. Мол, уже Лысеющий утверждал, что я оттуда какие-то деньги получаю. А Женя мне: «А что, не получаешь?» Я ему говорю, что пару раз я с ними общался на тему феминизма и антифашизма. А он мне: «Это наверное с Еленой Безруковой?» Я говорю — именно с ней.

Потом прошло еще какое-то время. Сидоркина Светлана сказала, что если через 15 минут я не выйду, то будут писать жалобу, что меня держат больше 3 часов, и меня выпустили.

РАССКАЗ ОЛЕГА ЖУКОВА, МУЗЫКАНТА ГРУППЫ «БРИГАДИР»

YouTube Video: [gstFR70jV_s](https://www.youtube.com/watch?v=gstFR70jV_s)

Задержания на «Дезертир-фесте»

В Москве на антимилитаристском фестивале "Дезертир-фест" произошли задержания.

1 📄 10 📄

Ещё почитать

06.03.2026 [Москва](#)

Против политика из Удмуртии, который больше месяца держал голодовку, возбудили новое дело